

«Магический реализм» революции

ИНТЕРВЬЮ С ЭРИКОМ СЕЛБИНЫМ

В XX веке Россия принесла в мир идею пролетарской революции, после 1991 года первой же закрыв этот вопрос не огнем и мечом, а банальным бегством большинства исследователей от темы. Сад былых дискуссий сильно зарос, периодически давая весьма кислые плоды, а большинство посетителей стали ходить туда лишь за ценными трофеями.

На этом откровенно унылом фоне весьма примечательным кажется то, что начиная с 1920-х годов и преимущественно в США на стыке различных дисциплин образовалось целое научное направление, исследующее восстания и революции. Неизвестная основной части отечественной публики и многим исследователям школа подобного анализа сформировала уже три поколения теорий революции.

«Революции не совершаются, они происходят» — эта фраза из декларации американского аболициониста Венделла Филлипса надолго стала общим девизом структурного подхода к проблеме, ставшего классическим для исследователей благодаря знаменитой работе «Государства и социальные революции» Теда Скочпол.

Американского профессора Юго-Западного университета Эрика Селбина можно назвать одним из тех, кто в конце 1980-х привлек внимание к необходимости анализа влияния человеческой деятельности и культуры на революционный процесс. Ответом на «нетленную» фразу Филлипса стало: «Революции не происходят, они совершаются». Сборник статей «Концепт „революция“ в современном политическом дискурсе»¹ впервые познакомил российского читателя с подходом исследователя, а также с другими теориями революций.

Отечественный политолог Александр Никифоров беседовал с профессором Селбином о проблеме изучения революций, об их «магическом реализме», старых и новых призраках.

1. См.: Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / Под ред. Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. СПб.: Алетейя, 2008.

Логос: После распада Советского Союза интерес к проблеме революции, как и к марксизму, среди российских интеллектуалов начал исчезать. И здесь можно отметить удивительный факт: в весьма далеких от революционных бурь Соединенных Штатах изучение революций сформировало несколько поколений исследователей. Почему эта проблема стала так внимательно изучаться именно в стране — авангарде «капитализма и демократии»?

Эрик Селбин: Это очень хороший вопрос, и я думаю, что на него есть несколько ответов. Во-первых, отчасти это объясняется особенностью самих Соединенных Штатов как государства, рожденного в революции (своего рода), но не революцией (так называемой Американской революцией 1776 года, которая также может являться самой известной неревolutionционной революцией). Только возникнув, американское государство почти сразу стало одним из наиболее убежденных противников революций в мире. Еще Тойнби поражался тому, что Соединенные Штаты казались «смущенными и раздосадованными» своим революционным прошлым, предпочитая поддержку богатых в ущерб бедным в разных уголках мира и часто обнаруживая себя на стороне неравенства, несправедливости и наименьшего счастья для большинства (Латинская Америка здесь наиболее явный пример). Люди в Америке перестали вспоминать, что как раз революция дала начало США, и это очень волновало, к примеру, Ханну Арендт в 1960-е.

Взглянуть на эту проблему серьезно побудили события октября 1917 года. Появилось первое поколение теорий, олицетворением которого служит Крейн Бринтон. Позднее в типичной для Севера/Запада манере начался поиск «научных» и «рациональных» ответов — второе поколение в лице Джеймса Дейвиса и Теда Гарра, продолженный структуралистской традицией анализа — третье поколение, представленное главным образом Тедой Скочпол. Попытки расширить и развить структурный подход с помощью работ Джона Форана и Джека Голдстоуна сформировали четвертое поколение исследований революции. Другая традиция восприятия революции связана с послевоенными размышлениями на эту тему, наполненными контрреволюционными идеями и амбициями, особенно в Великобритании, Франции и США периода 1950–1960-х годов.

Во-вторых, капиталистические государства испытывают параноидальный страх, возможно, даже ужас перед тем, что капитализм может нести в себе зерна собственного упадка. Тут нужно учесть, что начиная с чрезвычайно значимых, хотя и неудавшихся революций 1848 года западные практики либеральной демократии в странах Европы пытались использовать ре-

формы/реформизм для ослабления революционного потенциала: постепенно расширяли избирательное право, признавали различные права и свободы, учреждали «государство всеобщего благосостояния». Скрытой стороной этого было стремление капиталистических государств использовать террор против собственных граждан: примем во внимание жестокие военные диктатуры в Южной Америке и Южной Африке, Иран времени правления шаха.

В этой ситуации вполне объяснимо, почему — и это мой третий пункт — невероятное количество людей из поразительно разных мест продолжают различными путями, которые мы часто называем сопротивлением, восстанием и революцией (включая коллективные практики общественных движений), искать способы изменения материальных и идеологических условий повседневной жизни. Эта перспектива кажется вполне понятной (если не достижимой) во многих местах по всему миру, где жизнь остается сложной. Но как объяснить тот факт, что подобная борьба быстро нарастает в развитых индустриальных и зачастую даже в постиндустриальных обществах? Мне кажется, что в основе этого процесса лежит идея о том, что лучший мир возможен, и те из нас, кто интересуется революциями и сопутствующими им проблемами, в нем заинтересованы.

Логос: Какой этап переживает изучение революций сегодня? Существуют ли какие-либо значимые теоретические ответвления в рамках этого исследовательского направления?

Э.С.: Исследование революций на данный момент, как мне кажется, попало в очень щекотливое положение. И хотя это подразумевает наличие некоей двойственности, все гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Здесь можно выделить несколько аспектов.

Во-первых, мне кажется, что классическое определение революций Теодой Скочпол как «стремительных, коренных трансформаций государственных и классовых структур... сопровождаемых и частично поддерживаемых классовыми восстаниями снизу»² сохраняет свое доминирующее положение. В то же время существует достаточно много современных работ, авторы которых пытаются расширить и углубить понимание революции, дополняя его тем, что кажется упущенным. Они обращаются к другому аспекту проблемы — примерам явно революционных ситуаций, даже успешно реализованных, которые, очевид-

2. *Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1979. P. 4.*

но, не соответствуют приведенному ранее определению. Как нам быть с современными сапатистами в Мексике (вооруженным социальным движением) или «цветными революциями» 1989 года в Восточной Европе (обозначенными Гартоном Ашем как «революции»³)? Что делать с относительно недавними революционными движениями в Чили в 1970 году или на Ямайке в 1972-м? Даже Боливия (а возможно, и Венесуэла) сегодня может быть названа революционной, что, конечно, ощущается многими людьми на собственном опыте.

Чем являются революции, почему они происходят в том, а не в другом месте и среди одних, а не других людей? Размышления об этом, как и о других фундаментальных вопросах, продолжаются. Почему взять в руки оружие и начать восстание в той или иной форме люди решают в этот конкретный, а не какой-то другой день? Мы продолжаем исследовать целую вселенную революционных случаев. Должна ли она быть небольшой и ограниченной (Франция 1789, Россия октября 1917, Китай 1949, Куба 1959 годов) или широкой и обширной, включать любой эпизод, запускавший игру революционного воображения и объединявший людей в общем революционном настрое? Где назревает революционная ситуация и за редким исключением побеждает революция?

Я ни в коем случае не отказываю тем, кто считает описанное исследовательское поле умирающим, в праве на собственное мнение, но мне кажется, что как раз теперь настало время для грандиозных размышлений о множестве потенциальных возможностей. Замечание Тэтчер об отсутствии альтернатив капитализму (*there is no alternative — TINA*) может быть перевернуто тезисом о тысячах таких альтернатив (*there are thousands of alternatives — TATA*). Если последнее верно, то мы живем в мире, изобилующем возможностями. И если некоторые из нас правы, полагая, что люди будут беспрестанно пытаться различным образом менять свои жизни, то нам есть над чем подумать.

Логос: Насколько ваши исследования и работы ваших коллег пересекаются с ключевыми академическими направлениями в американской социологии и политической науке? Не являются ли «исследования революций» чем-то вроде научного сектанства или, если хотите, проявлением нонконформизма?

Э.С.: Здесь все предельно непросто. Доминирующий в политической науке дискурс дает небольшое — если хоть какое-то —

3. *Ash T. G. The Uses of Adversity: Essays on the Fate of Central Europe.* NY: Random House, 1989.

пространство изучению революций, а в социологии данная проблема, кажется, попадает под уже оформившуюся тему коллективного поведения. Историки, как и антропологи, уделяют этому вопросу некоторое внимание, но достаточно поверхностное. В круг весьма уважаемых исследователей, чьи мнения имеют значение, входят Данн, Форан, Голдстоун, Гудвин, Кумар, Пейдж, Парса, Скочпол и Викхэм-Кроулей.

Не думаю, что вы всерьез убеждены, будто изучение революций свидетельствует о каком-то нонконформизме, тем более что сегодня большая часть соответствующего академического дискурса в странах Севера/Запада связана с дискуссиями о терроризме, гражданских войнах, несостоявшихся государствах и гражданском обществе. В этом отношении проблема революции толкуется как своего рода реликт на границах истории, область для тех немногих непокорных, которые смеют противостоять неизбежной «неолиберальной» волне.

Логос: Согласно вашим работам и тому, что о вас пишут коллеги, вы принадлежите к числу тех, кто призывает обратить внимание на значение культуры и самой человеческой деятельности при исследовании революций. Как это согласуется с изучением их структурных факторов?

Э.С.: Структурные факторы имеют решающее значение, и ни одно значительное исследование не может их игнорировать. При определении исхода конкретного события или процесса в целом некоторые продолжают впадать в ту или иную крайность, погрязая в спорах об относительном значении и диалектическом отношении индивидуальных и коллективных устремлений, противостоящих историческим обстоятельствам. Структурализм и анализ самой человеческой деятельности могут в тех или иных обстоятельствах иметь значение. Сама возможность людей влиять на события зависит от особых исторических условий, или, как одной фразой ухватил это Маркс, люди творят собственную историю, но делают это в обстоятельствах, которые не выбирают сами.

Хотя человеческая деятельность, без сомнения, наталкивается на определенные ограничения, порождаемые структурами, которые могут задавать диапазон возможностей, последние не диктуют безоговорочно, как поступать людям. Взаимодействие обстоятельств и волевых действий, где ни одно из двух не существует само по себе, создает человеческую историю: возможности осознаются, выбор делается, различные пути обретают своих последователей. Мне кажется, что наиболее удачные объяснения и меткие ответы с большей вероятностью содержат-

ся в тех теориях, которые с одинаковым вниманием относятся как к индивидуальной деятельности, так и к влиянию структур. Я не знаю ни одного случая, когда бы структурные факторы или условия сами по себе двигали какое-либо общество или людей в исторический процесс или через него.

Итак, повторюсь: хотя структурные условия могут определять возможности революционных подъемов, они не объясняют особенностей поведения тех или иных групп или индивидуальных действий, как и то, какой выбор они делают и какие возможности смогут реализовать. До настоящего времени не существует удачных примеров работ по проблеме революций, в которых в одинаковой степени удалось бы принять во внимание и исследовать эти два ключевых момента. Нужно констатировать тот факт, что основная часть работ сохраняет приверженность преимущественно структурным объяснениям, а не полагается на объяснительные возможности культуры и анализа человеческой деятельности.

Логос: Эдмунд Бёрк и Карл Маркс в XVIII и XIX веках каждый по-своему написали о «призраках» революции. В вашей работе о современных революциях в Латинской Америке вы пишете об особом «магическом реализме», который характерен для традиции революционного сопротивления и культуры этих стран. Без предварительного ознакомления с названными текстами все это может показаться весьма странным. Действительно ли «магия» и «призраки» являются спутниками каждой революции и ее истории?

Э.С.: Моя попытка апеллировать к «магическому реализму», а также кое-какие размышления о «магических революциях», которые Дж. Форан⁴ в своем неповторимом стиле обосновал гораздо более удачно, связаны со стремлением ухватить что-то, что кажется и ощущается мною как иллюзорный, возможно, мифопоэтический момент, который наполняет сердца людей так же, как и их мысли. К тому же «глобализация» (что бы это слово ни значило), кажется, сводит многих из нас во времени и месте, напоминая о магической реалистической новелле, наполненной разветвленными путями, мистическими рынками и вещами, не только либеральной демократией, не тем, чем всё это кажется на первый взгляд. Для слишком многих из нас фантастическое, мифическое и магическое в нашем мире кажутся

4. *Foran J. Magical Realism: How Might the Revolutions of Future Have Better End (ing) s? // The Future of Revolutions. Rethinking Radical Change in the Age of Globalization / J. Foran (Ed.). L.; NY: Zed Books, 2003.*

чересчур банальными. Но одна особенность наполняет все революционные устремления — ощущение действительной возможности, и, я думаю, для людей это сродни чему-то магическому, что может вызывать в них сильнейшее чувство готовности к чему-то иному⁵.

Что касается призраков, то мне кажется, что достаточно часто, по крайней мере со времени обращения участников Парижской коммуны в 1789 году и большевиков, чествовавших Робеспьера и коммунаров, революционеры скорее пытались использовать призраков, нежели изгонять их. Современные революции часто являлись чистыми актами некромантии, вызывавшими в воображении духов умерших с целью повлиять на ход событий. Это сопряжено со значительным риском, ведь революционеры пытаются действовать между прошлым и будущим, реальным и вымышленным, «фактом» и «фантазией». Культ становится некромантией, когда революционеры пытаются общаться с умершими через свои произведения или деяния.

Кто контролирует этих призраков? Кто с ними говорит и кому разрешено отвечать за них — это весьма непростые вопросы. Тем не менее мне кажется, что способные вызывать и пробуждать умерших (тех, кого Маркос назвал «истинными стражами слов наших мертвых»⁶) говорят с каким-то особым резонансом для ныне живущих людей и помогают выковать связи внутри того, что должно быть представлено вечной борьбой. Способность вызывать героев и мучеников революций является мощным и убедительным средством, овладеть которым стремятся как совершившие революцию, так и те, кто противостоит ей.

Логос: В России и других бывших социалистических странах существует множество образцов революционной культуры: памятники Ленину, советская символика, песни, названия улиц и многое другое. Эти вещи еще обладают силой «магического реализма» или она полностью утрачена?

Э.С.: Я непрестанно поражаюсь живучести и силе символов, являются ли они в форме «Марсельезы» (или «Интернационала») и Дня Бастилии, красного знамени Парижской коммуны, Мавзолея Ленина, берета Че Гевары, маски Субкоманданте Маркоса. Я действительно думаю, что эти вещи обладают «магически-

5. *Darnton R.* What Was Revolutionary about the French Revolution? Waco, TX: Baylor University Press, Markham Press Fund, 1990.

6. *Marcos S.* Shadows of tender fury: the letters and communiqués of Subcomandante Marcos and the Zapatista Army of National Liberation. NY: Monthly Review Press, 1995.

ми» смыслами для людей, являются определенного рода талисманами, заключающими в себе трепет, чудо и особое значение, которые не всегда легко выразимы. В этом отношении мое предположение состоит в том, что даже сегодня, когда они пробуждают очень смешанные чувства, Октябрь 1917-го и события в Зимнем Дворце или Смольном институте, события 1921 года в Кронштадте, борьба с Троцким и фигура Сталина — все это сохраняет свое значение.

Логос: Один из ваших коллег высказал мысль, что избирательная урна сегодня превратилась в гроб для революций. Действительно ли век революций закончился после распространения этих формальных и регулярных практик без намека на миф и утопию?

Э.С.: Это была фраза Джеффри Гудвина, одного из наиболее пронизательных и взвешенных исследователей революций. Позвольте мне дать три ответа на эту провокацию. Во-первых, можно привести примеры некоторых революций, произошедших при наличии выборного механизма: Чили 1970, Ямайка 1972, Боливия 2006 годов. Во-вторых, в настоящий момент северная/западная либеральная буржуазная демократия доказала достаточную стойкость к тому, что мы можем назвать традиционными революциями (странный термин, не правда ли?): события 1789, октября 1917 годов, 1949 года в Китае или 1959 года на Кубе. Сложно сказать, сохранится ли подобная тенденция, особенно учитывая, что существующая либеральная модель не подтвердила своего статуса столбовой дорогой истории для миллионов людей по всему миру — большая часть населения испытывает жажду и голод, недостаточно обеспечена жильем, медицинской помощью, демократическими правами. Эти люди сейчас в большей степени борются за изменение материальных и идеологических условий повседневной жизни. В конце концов, достаточно наивно полагать, что все они (как и другие) прекратят борьбу, даже если не могут добиться всех этих благ через обычные механизмы, предоставляемые им существующими либерально-демократическими процедурами.

Логос: Некоторое время назад финансовый и экономический кризисы охватили весь мир. Славой Жижек в одном из своих интервью сказал: «Альтернатива капитализму невозможна, но необходима». Есть ли ответ на этот вопрос у вас?

Э.С.: Наиболее веским ответом на это является ТАТА: существуют тысячи альтернатив. Впервые предложенный активистами

общественных движений, он был достаточно быстро принят исследователями революций. Конечно, реализация всех этих альтернатив невозможна, но в самой этой невозможности скрыта их сила. Сам Жижек, вторящий студентам и рабочим мая 1968 года в Париже, призывает нас быть реалистами и требовать невозможного. Это относится к движению рекуперации⁷ в Аргентине, «горизонталистским» организациям в Боливии, возродившимся идеям анархо-синдикализма и коммунизма на основе советов в Европе, коммунитаризму, выступающим против ВТО общественным группам, мексиканским сапатистам и свободно организованным группам в рамках движения автономного сопротивления — всему тому, что Хардт и Негри назвали «множеством»⁸. Все они представляют собой мириады «альтернатив». Может ли какая-либо из них заменить капитализм — мне это не кажется чем-то совсем невозможным. Кто в свое время думал, что «феодализм» (достаточно непростое понятие) будет так быстро оттеснен со своих исторических позиций? Кто предполагал, что Россия претерпит столь кардинальные перемены с 1917 по 1924 год или после событий 1991 года?

Размышляя об этом, я вспоминаю название последней работы Алексея Юрчака — «Все было навсегда, пока этого не стало»⁹. До тех пор пока капитализм неолиберальной демократии определяет дискурс и концептуализацию того, что (не) возможно, мы не должны позволить ему оставить в тени или мистифицировать желания людей или то, что происходит вокруг. Есть много факторов, которые продолжают влиять на историю — люди пытаются улучшить собственную жизнь, обеспечить жизнь своих детей и внуков. Поскольку все они ищут для этого средства через выбор тактики и стратегии, они будут полагаться на тот «набор инструментов», который имеется в их сознании. Одним из этих инструментов как раз и являются истории (песни и символы) и стратегии (а также тактики) сопротивления, восстания и революции. Все это вполне может быть использовано в привычных для людей формах или при создании бриколажа, как зачастую и бывает при открытии новых путей, которые должны себе вообразить.

Беседовал Александр Никифоров

7. Восстановление производства посредством рабочего самоуправления. — *Прим. ред.*

8. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

9. Yurchak A. Everything Was Forever, Until it Was no More: the Last Soviet Generation. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.